

GRASHCHENKOV Il'ya Aleksandrovich, Head of the Center for the Development of Regional Policy (9, bld. 4 Tverskaya St, Moscow, Russia, 103099; delober@gmail.com)

CENSORSHIP OF LITERARY CREATIVITY IN TERMS OF STALINISM

Abstract. The article presents an analysis of documentary materials covering the transition from the party censorship to the state one, which became the foundation of the system established by Joseph Stalin. The author shows the process of registration of rigid oversight over the written word. The censorship in the mass media, in the press and in the sphere of culture and art in general became the tool of the control. The author also notes that special services (NKVD) were actively involved in the work with writers. Censorship of the press and literature has created so-called Staliniana – the myth about the leader, which survived its creator.

Keywords: power, literature, press, Soviet Union, party, Stalin, censorship

УДК 94(517)

БАТУНАЕВ Эдуард Владимирович – к.и.н., младший научный сотрудник Института монголо-ведения, буддологии и тибетологии СО РАН (670047, Россия, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6; Batunaevduard@mail.ru)

МОНГОЛИЯ: ОТ РЕВОЛЮЦИИ 1921 г. ДО ПРОВОЗГЛАШЕНИЯ НЕЗАВИСИМОСТИ

Аннотация. В статье рассматриваются особенности политического развития Монголии начиная с 1921 г., анализируются ключевые проблемы становления Монгольского государства. Революция 1921 г. стала поворотным моментом в истории Монголии, которая продолжила многолетнюю борьбу за национальную независимость и определение международно-правового статуса. Монголия оказалась перед выбором в сложной геополитической ситуации, и единственным надежным союзником и гарантом ее независимости и суверенитета выступила Советская Россия, оказав значительное влияние на ее дальнейшее историческое развитие.

Ключевые слова: Монгольская революция 1921 г., Советская Россия, Китай, Коминтерн, советско-монгольское соглашение 1921 г., суверенитет

Определяя характер монгольской революции 1921 г., нужно сказать, что она стала для монгольского народа поворотным пунктом и логическим продолжением событий Синьхайской революции 1911 г. Не случайно в современной историографии вопрос о монгольской революции носит дискуссионный характер. В связи с этим можно выделить полярные точки зрения. С одной стороны, по своим задачам, характеру и движущим силам монгольская революция была национально-демократической, т.к. она была призвана восстановить национальную независимость и осуществить в дальнейшем социальные преобразования. В ней приняли участие самые различные слои монгольского общества, о чем свидетельствует социальный состав, административно-территориальная принадлежность народно-ополченческих войск. Руководящей силой революции выступала Монгольская народная партия, последовательно осуществлявшая идею национального возрождения и сумевшая расширить социальную базу освободительной борьбы за счет получения поддержки всех национальных сил, что во многом обеспечило победу революции.

Революция 1921 г. положила начало возрождению монгольского народа как

самостоятельной нации и монгольского государства как независимого, демократического, самостоятельного субъекта мировой политики и международных отношений. Советская Россия, содействуя освобождению Монголии от иностранной оккупации и восстановлению монгольской государственности, во многом способствовала пробуждению национального самосознания, социально-политической активности монгольского народа и его приобщению к мировому революционному процессу [Дамдинсурэн 2001: 66]. Монгольские демократы, пришедшие в 1921 г. к власти, во всяком случае большинство из них, прониклись убеждением в правоте идей Коминтерна, а главное — они справедливо видели в Коминтерне, Советской России надежную гарантию обеспечения национальной независимости.

С другой стороны, «монгольская революция 1921 г. совместила в себе два противоречивых явления: во-первых, традиционное стремление монголов к суверенитету и независимости на основе идей панмонголизма и антикитайских лозунгов национально-освободительного движения 1911–1912 гг., во-вторых, внешнее влияние Советской России и Коминтерна, видевших в Монголии важный объект революционной политики в общей стратегии мировой революции на Востоке» [Лузянин 1995: 73]. Вместе с тем подготовка революции, ее осуществление, ломка прежнего общественного строя и замена его новым происходили под контролем Коминтерна и при непосредственном участии Советской России.

С. К. Рошин справедливо отмечает, что «монгольская революция была закономерна... В начале XX в. Монголия оказалась в своего рода тупике, вывести из которого могли только события такого масштаба, которые произошли в 1921... Фактически речь шла о существовании монголов как нации, о возможности возрождения монгольской государственности» [Рошин 1999: 7-8]. Б. Лхамсурэн определяет «народную революцию 1921 г. как новый импульс и этап в борьбе за независимость» [Лхамсурэн 1995: 52].

Важнейшей задачей нового монгольского правительства являлось укрепление государственности, достижение национального суверенитета и независимости. Одним из первых шагов революционного правительства стала попытка завязать международные контакты, добиться признания. В обращении министра иностранных дел Монголии к иностранным государствам 14 сентября 1921 г. подчеркивалось, что «суверенитет Китая не будет больше признаваться. В Монголии создан конституционно-демократический строй, при котором страной управляют сами монголы. Они стремятся по-прежнему поддерживать дружеские отношения с Китаем... Монголы и китайцы могут жить самостоятельно и спокойно. Мы хотим установить торговые отношения со всеми странами...» [Революционные мероприятия... 1960: 137].

Сообщение о провозглашении независимости Монголии и призывы к установлению равноправных отношений не нашли положительного отклика в мире. Ни Китай, ни Япония, ни западные страны не намеревались признавать монгольское правительство. Более того, китайские милитаристы готовили карательные акции, скорейшему осуществлению которых мешали нестабильность внутреннего положения в самом Китае и присутствие в Монголии советских войск. Единственным исключением явилась Советская Россия — страна, оказавшая политическую и военную поддержку новым общественным силам Монголии, пришедшим к власти в ходе национально-демократической революции. Для нового правительства жизненной необходимостью стало дальнейшее укрепление связей с Советской Россией, оформление правовых основ сотрудничества.

Вместе с тем после национально-демократической революции 1921 г. статус Внешней Монголии во многом оставался неопределенным. С одной стороны,

геополитические и революционные задачи требовали от Советской России закрепления достигнутых итогов монгольской революции 1921 г. путем официального признания новой народной власти. Но с другой – решение этой проблемы было весьма непростым, т.к. с дипломатических позиций НКВД в Китае признание Монголии было крайне невыгодно, поскольку осложняло и без того запутанную проблему установления официальных отношений с Пекином.

Монгольский вопрос в начале 1920-х гг. был напрямую связан с политикой Советской России и Коминтерна в Китае и фактически обусловлен ею. На деле и первые визиты монгольских революционеров в Москву (1920, 1921 гг.), и монгольская революция 1921 г., и советско-монгольское соглашение от 5 ноября 1921 г. рассматривались в Москве в контексте перспектив китайского революционного движения [Белов, Лузянин 2000: 44].

Следует подчеркнуть, что соглашение от 5 ноября 1921 г. между Советской Россией и Монголией стало первым международным актом в формировании советско-монгольского политического союза, по которому российско-монгольские отношения строились на правовой основе. В соответствии с соглашением правительство РСФСР признало единственно законным правительством Монголии Народное правительство, а последнее признало единственно законной властью России правительство РСФСР [История Монголии... 2007: 66].

Подписание российско-монгольского соглашения 1921 г., на наш взгляд, было смелым и в известном смысле рискованным решением, принятым обеими сторонами, учитывая сложность международной обстановки в Дальневосточном регионе. Оно сыграло важнейшую роль в дальнейшем развитии ситуации в этом регионе и установило первые правовые принципы, на которых строились в дальнейшем советско-монгольские отношения.

Официальное признание Монголии со стороны Советской России соответствовало ее национальным интересам и определяло конкретные политические и военные гарантии сохранения ее государственности, а также достижения подлинной независимости от Китая. Для советской же стороны, кроме соображений идеологического характера, заключавшихся в поддержке национально-освободительной борьбы на Востоке, это соглашение было выгодно с точки зрения государственных интересов – создания на границе дружественного государства – буфера в возможных конфликтах с Китаем и Японией [Жабаева 2009: 44]. Кроме того, Советская Россия, заинтересованная в укреплении независимости дружественной Монголии, в то же время не могла не учитывать чрезвычайную сложность международной обстановки на Дальнем Востоке и во всем мире, отношения с Китаем, переплетение интересов многих стран в регионе Центральной Азии.

Вместе с тем реакция Китая на заключение советско-монгольского соглашения была резко отрицательной. Китайское правительство не признавало изменений в Монголии, происшедших в 1921 г., настаивало на сохранении ее в составе Китая, на восстановлении китайского суверенитета на монгольской территории и выводе советских войск. Советское руководство было вынуждено учитывать всю сложность проблемы и прежде всего – неурегулированность советско-китайских отношений.

Хотя с заключением советско-монгольского соглашения 1921 г. внешнеполитическое положение Монголии упрочилось, но все же оно оставалось сложным и противоречивым. Особенно напряженный и драматический характер оно носило в первые годы после установления новой власти в Монголии. Монголия вела длительную и упорную борьбу за урегулирование отношений с Китаем, за широкое международное признание. Эта борьба растянулась на два с половиной десятилетия, вплоть до 1945–1946 гг.

Вопрос о международном статусе МНР обсуждался главами трех союзных держав – СССР, США и Великобритании на Ялтинской конференции в феврале 1945 г., где одним из условий вступления Советского Союза в войну против Японии было сохранение статус-кво Внешней Монголии. Следует отметить принципиальную и последовательную позицию И. Сталина по вопросу о международном статусе Монголии, в соответствии с которой страна (Монголия) должна быть независимой¹. В ходе состоявшегося 20 октября 1945 г. всенародного плебисцита по вопросу о государственной независимости 100% населения Монголии проголосовало за суверенитет. 5 января 1946 г. Законодательная палата Китая признала независимость Монголии. 13 февраля 1946 г. состоялось подписание протокола об установлении дипломатических отношений между МНР и Китаем.

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного фонда, проект № 15-21-03006 «Монгольский мир в условиях взаимодействия России и Восточной Азии в XX–XXI вв.».

Список литературы

Белов Е.А., Лузянин С.Г. 2000. О концепции монгольского вопроса в истории Монгольской Народной Республики. – *Восток*. № 1. С. 43-69.

Дамдинсурэн С. 2001. Монгольская национально-демократическая революция 1921 года и российский фактор. – *Россия и Монголия: новый взгляд на историю взаимоотношений в XX веке: сборник статей*. М.: Институт востоковедения РАН. С. 43-69.

Жабаева Л.Б. 2009. О борьбе за определение независимости Монголии в 20-е гг. XX в. – *Монгольский мир в научном и образовательном дискурсах: материалы региональной научно-практической конференции*. Улан-Удэ: Изд-во БГУ. С. 42-51.

История Монголии XX век (под ред. Р.Б. Рыбакова, Г.С. Яскина). 2007. М.: Институт востоковедения РАН. 448 с.

Лузянин С.Г. 1995. Монголия: между Китаем и Советской Россией (1920–1924). – *Проблемы Дальнего Востока*. № 2. С. 71-83.

Революционные мероприятия народного правительства Монголии в 1921–1924 гг. (под ред. Н. Насанбалжира, Ц. Пунцагнорова) 1960. М.: Восточная литература. 211 с.

Рошин С.К. 1999. *Политическая история Монголии (1921–1940 гг.)*. М.: Институт востоковедения РАН. 327 с.

Лхамсурэн Б. 1995. Монголын гадаад орчин, торийн тусгаар тогтнол. Улаанбаатар. 81 х.

BATUNAEV Eduard Vladimirovich, *Cand.Sci.(Hist.)*, Junior Research Fellow, Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian branch of Russian Academy of Sciences (6 Sah'janovoj St, Ulan-Ude, Republic of Buryatia, Russia, 670047; Batunaeveduard@mail.ru)

MONGOLIA: FROM THE REVOLUTION OF 1921 TILL INDEPENDENCE

Abstract. *The article discusses the features of the political development of Mongolia since 1921, analyzes the key problems of formation of the Mongolian state. The revolution of 1921 was a turning point in the history of Mongolia, which continued the*

¹ *Советско-монгольские отношения. 1921–1974* (под ред. Ф.И. Долгих, Г. Цэрэндоржа). Документы. Т. 2, Ч. 1. М.: Международные отношения. 1979. С. 110.